

От редактора

Книга Михаила Анохина «Только память» открывается своеобразным прологом — одноименной бессюжетной повестью, напоминающей ассоциативную прозу позднего Катаева, которая давала наибольшую раскрепощённость самовыражения, позволяла прихотливо вплетать в повествовательную канву словесные картины, свободно чередуя их с прямыми публицистическими и философскими рассуждениями.

Но это внешнее сходство. А по внутреннему накалу страсти, с какой автор и его противоречивые сущности в лице многочисленных альтер эго ищут Истину в иллюзорном мире, где ничего постоянного, где всё текуче; по силе воздействия Горнего и Дольнего они сродственны произведениям Достоевского, у которого, по выражению Хемингуэя, было то, что меняло тебя, пока ты читал.

«Память моя ныряет в глубинные омуты древних знаний, вытаскивает страницы когда-то читанных книг, и встают в памяти моей блаженные августины, платоны, ласкалы, данты и Марксы, но не находит она там научений, а лишь одно биение мысли и сердца о стену, перед которой стою я.

Так, может быть, нет никаких научений, а есть только вот это: вечное биение сердцем, локтями, коленями о стену?..»

Пять следующих повестей как бы продолжение первой, но только в изобразительном плане. Чувства и мысли облекаются живой плотью персонажей, чьи судьбы, причудливо взаимодействуя, рождают увлекательные сюжетные линии. Не даёт скучать читателю и разнообразие форм. Здесь и гротескная фантазмогорическая повесть «Трещина», и мистические «Возьми и неси» и «Ведьма из Прокопьевска Нинка Давляшина», и реалистическая «Прокурорская сага», и фантастическая — «Пятно на траве». И в каждой есть загадка, вызывающая желание дочитать до конца.

Художественному осознанию жизни автор учится у мастеров Золотого и Серебряного века. Злободневность сочетается с философской основательностью: «Книга — пища для совести, иначе совесть умирает от голода».

Валерий Зубарев